

Маўчанне, у тым ліку, з прычыны крыўды з-за непрыемных выказванняў у свой адрас, асацыіруецца ў дзвюх мовах з праглынаннем жывелы: як *мух аб'еўшыся* 'маўкліва, без жадання гаварыць (сядзець)'; *глытаць (праглынуць) жабу (жаб)* праст. 'моўчкі, цярпліва зносіць крыўду, абразу, выслухоўваць непрыемнае'; як *жабу праглынуўшы* 'зусім (маўчаць)'; *eine / die Kröte /* (дыял.) *Krott schlucken* разм. 'моўчкі згадзіцца з чым-н. непрыемным, скарыцца' (літар.: праглынуць жабу (рапуху)). Фраземай нямецкай мовы адзначаецца таксама нясмеласць, скаванасць у выражэнні сваіх думак: *einen Ochsen auf der Zunge haben* разм. 'адчуваць сябе скавана, не адважваючыся сказаць што-н., задаць пытанне' (літар.: мець вала на языку). Прычынай недарэчнага маўчання становяцца ў беларускай фразеалогіі дзеянні некаторых жывел: *цяля язык аджавала* каму.; *цяляты (каровы) язык аджавалі (адкусілі)* каму. неадабр. 'хто-н. маўчыць, не можа ці не хоча гаварыць'.

Такім чынам, відавочна, што пры фразеалагічнай характарыстыцы вербальнай актыўнасці чалавека вобразы жывельнага свету адыгрываюць немалаважную ролю. Гэта звязана, з аднаго боку, са здольнасцю жывел выдаваць пэўныя гукі, што ў моўнай практыцы прыводзіць да параўнанняў з мовай чалавека. З другога боку, блізкасць некаторых жывел да чалавека прывяла да фарміравання і шырокага ўжывання ўстойлівых адзінак, у якіх праз апісанне розных дзеянняў з гэтымі жывеламі характарызуецца дзейнасць чалавека, у тым ліку і маўленчая.

Параўнанне ФА дзвюх моў дапамае вызначыць некаторыя прыярытэты ў маўленчых паводзінах двух народаў, а таксама тыя якасці і ўчынкі чалавека, якія выклікаюць неадабрэнне і непрыманне ў адпаведным моўным асяроддзі, што дазволіць пазбегнуць непаразуменняў у зносінах з прадстаўнікамі іншай лінгвакультуры.

И. Ф. НЕСТЕРУК

Беларусь, Брест, Брестский государственный университет имени
А. С. Пушкина

ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА КОРЕФЕРЕНТНОЙ НОМИНАЦИИ

В современных лингвистических исследованиях проблема номинативно-го варьирования находит широкое освещение. В качестве примера достаточно привести работы таких авторов, как W. Schneider (1976), K. Brinker (2001), М. М. Бахтин (1975), В. Г. Гак (1981), О. И. Москальская (1981), Г. В. Колшанский (2007) и др. При этом основное внимание уделяется рассмотрению номинативных возможностей естественного языка в конкретных

актах речи, видам и функциям контекста, а также вопросу кореферентности и т.д. Лингвистика текста предлагает еще один термин – рекуррентность, который осмысливается в качестве главного звена строения текста, создающего в нём кореферентную соотнесённость различных номинативных единиц, их ориентацию на один и тот же денотат. Особенно отчётливо это находит своё выражение в повторной номинации, которая может принимать различные формы реализации [1]. Человек является носителем информации о внешней референции, что соответствует общефилософскому положению о том, что человек относится к естественным объектам реально существующего мира. Говорящий, описывая внешнюю по отношению к нему референцию, присваивает себе формальный аппарат языка и при его помощи проявляет свою позицию, образуя центр внутренней референции [2]. Все это предопределило выделение в семантике языковых единиц, взаимосвязанных между собой, внешнюю по отношению к человеку референцию и одновременно внутреннюю референцию, как отношение говорящего к внешней референции или истолкование внешней референции.

В функционирующем языке картина номинации такова, что один и тот же денотат, по причине возможного придания ему (под воздействием интенции) разных признаков, даже в одном коммуникативном событии может обозначаться разными словами или разными номинирующими формами. Именно выбор признака, подлежащего актуализации в тексте, вместе с выбором формы номинации, является той задачей, решение которой осуществляется на различных участках формирования коммуникативного содержания текста. Таким образом, между кореферентными номинациями на семантическом уровне при употреблении синонимов чаще всего устанавливаются отношения равнозначности, отношения включения (при переходе от более широкого обозначения к более узкому и наоборот) и отношения пересечения (при наименовании объекта по его различным признакам) [1].

Повторная номинация обеспечивает не только кореферентность, но и выполняет текстообразующую функцию: она тематически и грамматически связывает компоненты высказываний и межфразовых единств. Если сравнивать определения первичной и повторной номинаций, то можно предположить, что повторная номинация дает больше возможностей для варьирования обозначения автором референта, выступая при этом важным средством выразительности в тексте. Однако повторная номинация не всегда является стилистически маркированной, т. к. может использоваться автором вследствие необходимости избежать повторения. Как писал В. Г. Гак: «... одно из основополагающих правил хорошего стиля состоит в необходимости избежать монотонности, однообразия в изложении» [1, с. 527]. А это достигается за счет варьирования обозначений при повторной номинации. В последнем случае она не несет экспрессивной нагрузки.

Характер повторных номинаций зависит от вида текста: они могут точно соответствовать именуемому референту по объему информации или расширять, уточнять его содержание. Это и имеют в виду исследователи, когда утверждают, что стили, опирающиеся на свои типовые тексты, различаются между собой не столько наличием специфичных элементов, сколько особенным их распределением [3, с. 148]. Рассмотрение кореферентных структур позволяет выявить не только особенности авторского отношения к персонажам, но и систему связей в тексте, более того, анализ семантики и символических смыслов, присущих именам собственным, в ряде случаев дает возможность рассмотреть специфику авторской модели мира.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гак, В. Г. К типологии лингвистических номинаций. Языковая номинация. Общие вопросы / В. Г. Гак. – М. : Высшая школа, 1981. – 289 с.
2. Бенвенист, Э. Общая лингвистика / Э. Бенвенист. – М. : УРСС, 2002. – 448 с.
3. Нестерук, И. Ф. Повторная номинация в художественном дискурсе / И. Ф. Нестерук // Актуальные вопросы германской филологии и методики преподавания иностранных языков : сб. материалов XIX Респ. науч.-практ. конф., Брест, 28 февр. 2015 г. : в 2 ч. Брест. гос. ун-т им. А. С. Пушкина ; редкол.: В. Ф. Сатинова [и др.]. – Брест: БрГУ, 2015. – Ч. 1. – С. 146–148.

С. А. ПИЛИПЕНКО

Беларусь, Брест, Брестский государственный университет имени
А. С. Пушкина

ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ В ЛЕКСИКЕ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА

Мысль о том, что неточность языковых форм часто оборачивается языковой идеологией и может служить источником социальных конфликтов, не вызвала сомнения у ученых уже в 20-х годах XX столетия. Ученые писали о том, что языковая идеология, согласно которой мужское понимается как что-то первоначальное, а женское – как что-то производное, нарушает всякую логику и чувство справедливости.

Особенно большое значение проблема гендера приобретает в правовом и административном языке, так как язык правовых документов требует в особой мере конкретности, ясности, однозначности и точности в обозначении и интерпретации понятий.

Примеры языковой дискриминации женщин имеются и в других областях официального немецкого языка. Это особенно бросается в глаза при обозначении профессий. В лексикографические источники почти все названия профессий входят в мужской форме и только некоторые – в женской (например, *Kindergärtnerin*, *Hortnerin*, *Kosmetikerin*, *Stenotypistin*).